

УДК 94(470.44).082

П. Ю. Мельников

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Министерство образования и науки Российской Федерации, ул. Вольская, 1, 410056 Саратов, Российская Федерация, 8 937 148 57 36, p_melnikov@list.ru

БЕССЕМЕЙНЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX ВЕКА ПО ДАННЫМ ПОУЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ

Одним из малораспространенных вариантов крестьянского домохозяйства в аграрном обществе были структуры, не содержащие семейных пар. Их количество в различных губерниях Российской империи XIX века могло колебаться от 1 до 8%. Материалы земских переписей Саратовской губернии конца XIX века фиксируют меньшую численность такого рода домохозяйств, однако в то же время позволяют оценить их демографическое и экономическое содержание. Большая часть структур “no family” относится к подгруппе 2a (по классификации П. Ласлетта). В возрастном плане это либо «молодые» домохозяйства (возраст главы колеблется от 14 до 20 лет), либо «старые» (возраст главы — от 50 и выше). Первые, как правило, возглавляются мужчинами и состоят из осиротевших детей; вторые — женские по составу (овдовевшие или незамужние сестры). Можно считать, что бессемейные домохозяйства были результатом экстраординарных обстоятельств, с непродолжительным сроком существования.

Ключевые слова: Российская империя; историческая демография; Саратовская губерния; XIX век; домохозяйство; семейная структура; возрастной состав.

Рис. 1. Библиогр.: 18 назв.

P. Yu. Melnikov

Saratov State Law Academy, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russian Federation, 8 937 148 57 36, p_melnikov@list.ru

NO-FAMILY HOUSEHOLDS IN SARATOV PROVINCE AT THE END OF THE XIX CENTURY: THE DATA OF ZEMSTVO CENSUS REGISTERS

One of the less common variants of a peasant household in an agrarian society was a structure that did not contain married couples. Their number in various provinces of the Russian Empire of the XIX century could range from 1 to 8%. Zemstvo's censuses materials of the Saratov province of the late XIX century fix a smaller number of such households. However, at the same time they allow to evaluate their demographic and economic content. Most of the “no family” structures belong to subgroup 2a (according to P. Laslett's classification). In terms of age, these are either “young” households (the age of the head ranges from 14 to 20 years), or “old” (age of the head is from 50 and above). The former, as a rule, are headed by men and consist of orphaned children; the latter are female (widowed or unmarried sisters). It can be considered that no-family households were the result of extraordinary circumstances, with a short lifetime.

Key words: Russian empire; historical demography; Saratov province; XIX century; household; family structure; age structure.

Fig. 1. Ref.: 18 titles.

Введение. Трансформация аграрного общества в индустриальное сопровождается изменением важнейших его институтов, к числу которых относится семья. В первую очередь, конечно, речь идет о преобразовании семьи крестьянства, самой многочисленной социальной группы. Это преобразование отмечается как количественными (падает число членов семьи), так и качественными показателями (наиболее характерной формой становится простая супружеская семья). При этом для лучшего понимания процесса важен учет малораспространенных вариантов семей, не попадающих под категорию супружеских. В данной статье предпринимается попытка анализа такого рода структур на территории Саратовской губернии конца XIX века.

Методология и методы исследования. Вопросы исследования семейной структуры, ее типологизации в отечественной литературе советского периода не имели единого решения, что приводило к невозможности сопоставить полученные результаты [1]. В постсоветское время в большинстве отечественных работ используется классификация Кембриджской группы П. Ласлетта. Этому способствуют ее распространенность в зарубежных работах, простота, очевидность и, вероятно, доступность на русском языке (первый перевод одной из глав был сделан еще в 1979 году, хотя для историков остался практически незамеченным). В соответствии с этой классификацией все семьи подразделялись на 6 вариантов: 1 — «одиночки», 2 — «бессемейные», 3 — «малые» (супружеская пара с детьми), 4 — «расширенные» (супружеская пара с отдельными родственниками), 5 — «составные» (несколько супружеских пар с разными вариантами соподчинения), 6 — «неопределенные» [2]. Методология этой работы использовалась при написании данной статьи. Также автором применялись общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. По сложившейся традиции в историко-демографической литературе термины «семья», «дом» и «домохозяйство» используются как взаимозаменяемые термины. Независимо от времени и региона, в абсолютном большинстве случаев речь идет о группе родственников минимум с одной супружеской парой («семья»), живущих под одной крышей («дом») и объединенных экономической деятельностью («домохозяйство»). Естественно, из этого единства были исключения. Например, большая семья при сохранении экономического единства могла занимать несколько жилищ; хрестоматийные примеры такого рода описаны еще в XIX веке [3]. Другой вариант — отсутствие единой хозяйственной деятельности при сохранении родства (от него никуда не денешься) и места проживания. Такого рода явления отмечались в Украине первой половины XIX века — из-за стремления местного крестьянства к разделам и сопротивления местных помещиков; в итоге получался один дом, в котором живут экономически совершенно самостоятельные (вплоть до отдельного стола и посуды), но в то же время родственные семьи [4]. Наконец, в одном доме и с экономическим единством могла жить группа родственников, которую формально нельзя назвать семьей. При отсутствии хотя бы одной семейной пары домохозяйство классифицировалось как “no family” — «бессемейное» (в работе Ласлетта оно предполагало 3 варианта: 2а — родственники, проживающие совместно (братья и сестры); 2б — сожители, связанные другим способом; 2в — индивиды без явных связей).

Очевидно, что такой вариант домохозяйства не был широко распространенным. Демографическая модель традиционного общества предполагала ранний и практически всеобщий брак — то, что в классической работе Дж. Хаджналла называется «восточной моделью брачности». Экономические требования государства, помещика и общины способствовали сохранению составных домохозяйств из нескольких семейных пар — как более устойчивых в нелегких жизненных условиях. Наконец, заключению брака способствовали моральные требования общества и православной церкви [5]. Тем не менее, такого рода структуры наблюдались в разные хронологические периоды и в различных регионах.

Российские материалы выглядят следующим образом. В Московской губернии (село Выхино) их количество достигало 1,7% в 1834 году и 2,4% в 1850-м; в исследовании есть даже отдельная сноска о том, что оценка средней численности бессемейных домохозяйств не приводится ввиду их крайне малого количества [6]. Пореформенный пример этой же губернии (села Дракино и Спас-Коркодино): 1,9% и 1,3% (1869) и 2,1% и 3,1% (1886) [7]. В селе Вошажниково (Ярославская губерния) — 6% (1816), 3% (1832), 5% (1834), 6% (1838), 3% (1850) и 8% (1858) [8].

В Тамбовской губернии (село Петровское), по подсчетам профессора С. Хока, бессемейные в интервале с 1813-го по 1856 год составляли от 0 до 3% домохозяйств [9]. Другое микроисследование по этой же губернии описывает категорию “no family” в таких цифрах: село Малые Пупки — 3% (1816), 1% (1850), село Байловка — 3% (1816), 2% (1850), село Калугино — 4% (1816) и 1% (1850), село Рассказово — 3% (1816) [10].

Наконец, первичные материалы переписи 1897 года по Тобольской губернии насчитывают 1,4% бессемейных [11].

Вариант западных губерний Российской империи (1740 год, имение Корень; после присоединения к Российской империи — в Борисовском уезде Минской губернии) обозначен в исследовании белорусского историка В. Н. Носевича: 1 домохозяйство (1,4% от общей численности), включавшее двух неженатых братьев (подвариант 2а) [12].

Зарубежные варианты бессемейных домохозяйств по разным регионам насчитывали 2% (Англия, Илинг, 1599 год), 6% (Франция, Лонгис, 1778), 2% (Сербия, Белград, 1733), 2% (Япония, Нишиномия, 1713), 0% (Колониальная Америка, Бристоль, 1679) [13].

В рамках данной статьи будет проведена оценка домохозяйств “no family” Саратовской губернии на базе первичных материалов поездных земских переписей 1880—90 годов [14]. Сами материалы хранятся в государственном архиве Саратовской области, в фонде Губернского статистического комитета. Общий объем материала охватывает 5 307 домохозяйств, расположенных в четырех уездах — Кузнецком, Хвалынском, Петровском и Камышинском [15]. Такой географический разброс данных выгоден, поскольку соответствует природно-климатическим особенностям губернии: представлены северная лесостепная зона с дерновыми и подзолистыми почвами (Кузнецкий, Хвалынский и Петровский уезды) и южная черноземная (Камышинский уезд); в них существенно различались и среднегодовая температура, и количество осадков, что не могло не сказаться на сельскохозяйственной специфике и связанными с ним крестьянскими домохозяйствами.

В анализируемых в статье материалах группа “no family” крайне незначительна: 18 домохозяйств из 5 307 (т. е. 0,04%). Бросается в глаза крайне малая величина этой группы по сравнению с остальными регионами Российской империи. Сопоставить эти цифры (хотя бы приблизительно) с результатами переписи 1897 года невозможно: в ней учитывались «лица, принадлежащие к составу семей» и «посторонние», что не стыкуется с критерием бессемейного домохозяйства по Ласлетту [16]. Можно предположить, что здесь идет речь о специфике периода и региона — без соответствующего аналога. Все приведенные выше отечественные цифры бессемейных домохозяйств относились, к дореформенному периоду, с принципиально иными факторами влияния на семью. Единственное сопоставимое по времени исследование Х. Колле базируется на данных Московской губернии, которая по социально-экономическим характеристикам очень существенно отличалась от Саратовской. В любом случае, обозначенная численность бессемейных домохозяйств вызывает вопросы и пока нуждается в уточнении.

Средняя численность такого домохозяйства — 2,5 человека. Мода — 2 человека (12 случаев), далее 3 человека (6 случаев), по одному варианту из 4 и 6 человек. При более мелкой градации доминирует вариант 2а (братья и сестры) — 14 домохозяйств, затем идет 2б (родственники, связанные иным образом) — 3 домохозяйства, 2в (без родственных связей) — 1 вариант (явная экзотика).

Распределение глав домохозяйств по полу очень необычно для аграрного общества: 60% мужчин, 40% — женщин; как можно заметить, доля женщин — глав семьи и в этой группе очень велика. Скорее всего, это объясняется нестандартной ситуацией, в результате которой такое домохозяйство возникает.

Распределение глав домохозяйств по полу и возрасту (рисунок 1) позволяет выделить несколько характерных деталей. Во-первых, очевидна «монополия» мужчин-домохозяев в возрастах до 30 лет. Это осиротевшие дети (братья и сестры), живущие совместно, т. е. тип 2а; такой вариант возможен, если нет ближайших родственников, способных временно возглавить хозяйство, а сыновья находятся в работоспособном возрасте. Во-вторых, наблюдается однозначное преобладание женщин-домохозяек в группах старше 70 лет; это тоже подтип 2а, но состоит из сестер в преклонном возрасте, либо овдовевших (скорее всего), либо по каким-то причинам не вышедших в свое время замуж (что в российских условиях встречалось крайне редко).

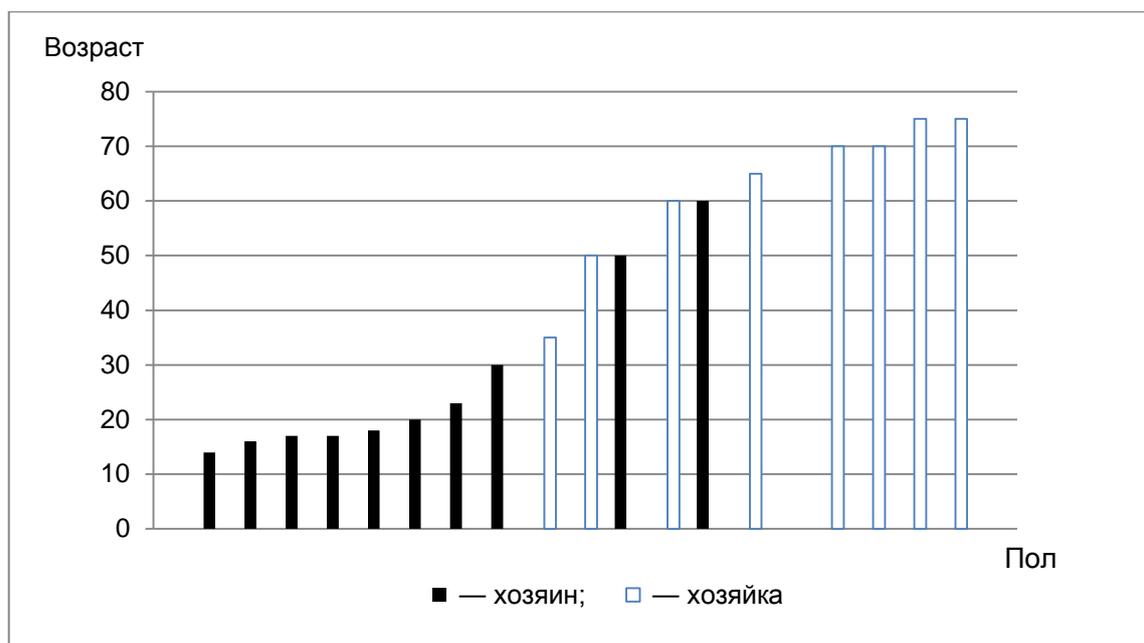

Рисунок 1. — Половозрастной состав глав бесемейных домохозяйств

В категории “no family” некоторая часть нетрудоспособна (2 человека), часть нищенствует (тоже 2 человека). В среднем же такие домохозяйства экономически выглядят явно несколько лучше одиночек. На 18 из них в совокупности приходится 8 лошадей, 8 коров, 14 свиней; в 12 домохозяйствах присутствует земельный надел и указываются нормы посева, т. е. он используется напрямую, а не сдается в аренду.

Заключение. Как уже говорилось выше, домохозяйства “no family” встречались весьма нечасто. Причины самого различного характера подталкивали жителей традиционного общества к заключению брака. При этом создаваемое домохозяйство не было статичным, а постоянно эволюционировало, как количественно, так и качественно. Жизнь не стояла на месте, и семья из одной супружеской пары увеличивалась за счет детей, затем — их браков и появления внуков (трансформация малой семьи в составную), или уменьшалась (вследствие смертности, рекрутской повинности, выдачи дочерей замуж или разделов) и снова начинала свой рост. В одной из работ этот процесс эволюции семьи — от малой до братской и снова к малой — предлагали назвать «пульсирующим» (название в литературе не прижилось) [17]. Однако бесемейные домохозяйства в этом процессе отсутствовали.

Количественно данный вариант выглядит крайне незначительно: 18 домохозяйств из 5 307 (т. е. 0,04%) и 45 человек, в них проживающих (от общей численности выборки в 30 985 человек это составляет, соответственно, 0,2%). Наиболее характерным вариантом бесемейного домохозяйства оказался тип 2а — братья и сестры, живущие совместно. Однако в нем есть свои подварианты — условно их можно обозначить, как «молодой» и «старый». Первый — осиротевшие дети, по каким-то причинам не взятые в дом старшего родственника; возраст домохозяйина в таком случае колебался от 14 до 20 лет. Дальнейшая его эволюция предсказуема — взросление членов, брак, увеличение за счет детей — т. е. трансформация в домохозяйство расширенное; сроки трансформации можно привязать к возрасту вступления в брак (он в среднем во второй половине XIX века был 21,4 года для мужчин и 24,2 года для женщин) [18]. Вариант «старый» — в подавляющем большинстве женский. Состав его — незамужние или овдовевшие сестры, возраст главы превышал 60 лет. Экономически такое хозяйство могло быть жизнеспособным, но перспектив для развития уже не оставалось, кроме превращения через некоторое время в до-

мохозяйство одиночное. Тип 2б (редкий) реализовывался в виде «старика и внуки», тип 2в представлен в единичном варианте — «хозяин и «посторонняя» (скорее всего речь шла о фактическом сожителстве, которое в рамках традиционного общества считалось категорически неприемлемым).

Можно сказать, что в описанном выше цикле эволюции семьи бессемейные домохозяйства представляли собой некий нестандартный вариант, реализовывавшийся редко. Ни экономические, ни юридические, ни моральные нормы на его возникновение не работали, скорее даже — противоречили его существованию. Это был результат экстраординарных обстоятельств, затрагивавший крайне малую часть населения и существовавший весьма непродолжительное время.

Список цитируемых источников

1. Мельников, П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII—XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода / П. Ю. Мельников // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 163—166.
2. Ласлетт, П. Семья и домохозяйство: исторический подход : пер. с англ. / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого и И. С. Кона. — М. : Статистика, 1979. — С. 132—157.
3. Красноперов, И. Антошкина община / И. Красноперов // Отечеств. зап. — 1882. — № 6.
4. Тарновский, В. В. О делимости семей в Малороссии / В. В. Тарновский // Журнал Министерства внутренних дел. — 1854. — № 4. — С. 78—79.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов. — 3-е изд., испр., доп. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 1. — С. 161—162.
6. Avdeev, A. Social differences in household structures in the 19th century: Moscow and its outskirts / A. Avdeev, I. Troitskaya, G. Ulianova // Demographic review. English selection. — 2015. — P. 88—89.
7. Kolle, H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen / H. Kolle— Bergen, 1995. — P. 52, 57.
8. Деннисон, Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вошажниково в 1836—1858 гг. / Т. Деннисон // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. История. — 2005. — Вып. 1. — С. 150.
9. Хок, С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии / С. Хок. — М. : Прогресс-Академия, 1993. — С. 78.
10. Канищев, В. В. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX — начало XX в. / В. В. Канищев, Р. Б. Кончаков, Ю. А. Мизис, Е. А. Морозова // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. : материалы междунар. конф. (май 2002 г.). — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. — С. 90—95.
11. Зверев, В. А. Семейно-дворовой строй в селениях Западной Сибири конца XIX в.: демографический аспект. Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. / В. А. Зверев ; Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН. — Новосибирск, 2010. — С. 88.
12. Носевич, В. Н. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе [Электронный ресурс] / В. Н. Носевич // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича. — Минск : Тэхналогія, 2004. — Режим доступа: <http://vln.by/node/215>. — Дата доступа: 31.08.2018.
13. Laslett, P. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / (eds.) P. Laslett, R. Wall. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1972. — P. 84.
14. Левин, С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье / С. В. Левин. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
15. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). — Ф. 421. Оп. 1. Д. 439—441, 452—457, 7295—7304, 7342—7356.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб., 1904. — Т. XXXVIII. Саратовская губерния. — С. 6.
17. Столяров, А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI — начале XX в. / А. А. Столяров // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. — С. 120.
18. Тольц, М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. / М. С. Тольц // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого. — М. : Статистика, 1977. — С. 139.

Поступила в редакцию 18.09.2018